

Барри Адамсон — «Газете»

«Мне нравится создавать иллюзии»

В воскресенье в завершение фестиваля Season Noig в клубе «Апельсин» выступит известный музыкант и композитор Барри Адамсон — впервые в России. Бывший участник группы Ника Кейва The Bad Seeds Адамсон прославился своей таинственной и мрачноватой музыкой, которая так хорошо подходит к кино. Корреспондент «Газеты» Александр Зайцев расспросил Барри Адамсона о предстоящем концерте, новой пластинке, кино и темном прошлом.

Слышал, что у вас выходит новый альбом.

Он должен выйти в конце мая. Это совсем новый альбом, двенадцать треков, и он называется «Stranger On The Sofa». Мы будем представлять его впервые именно в Москве.

На что он похож?

Это очень узнаваемая «пластинка Барри Адамсона». Мне кажется, что я наконец обрел уверенность в использовании определенных стилей музыки. Все то, что я делал на прошлых дисках, я свел воедино. Там есть все элементы, которые вы скорее всего от меня ожидаете: тревожное напряжение, немного мрачности, рока, соула, джаза.

Что вы будете играть в Москве?

Мне хотелось бы сыграть вещи с новой пластинки. Не все, конечно, но где-то половину. Основная часть сета составлена из произведений прошлых лет: «Jazz Devil» и все такое, что очень хорошо работает на концерте.

В прошлом вы иногда приглашали на запись альбомов различных музыкантов — Ника Кейва, Джарвиса Кокера. А что на этот раз?

Отличие этой записи в том, что я хотел в качестве эксперимента сделать на этот раз все единолично. Почти как домашняя запись. Вы знаете, что я люблю всю эту привязку к кино, мне нравится создавать иллюзии. Так что, когда вы слушаете эту пластинку, вы можете вообразить меня в спальне с моим ноутбуком, делающим музыку и пытающимся создать восхитительную иллюзию. Когда я делал эту пластинку, я понял, что она звучит в том же духе, что и мой альбом «Oedipus Schmoedipus». Чтобы получилось нечто другое, я решил позвать своих друзей, в основном девашек, чтобы вместе поработать над композициями. Так что если «Oedipus Schmoedipus» — это была такая мужская вещь, то теперь женщины получили возможность сказать свое слово. Да, но по духу новый альбом напоминает «Oedipus».

В вашей музыке много того, что в кино называется саспенсом, — тревожного ожидания, ощущения приближающегося события. Это соответствует тому, как вы воспринимаете жизнь, мир?

Частично. Я думаю, что это часть киноязыка. И думаю, что это идет от моей юности. Может быть, от тех фильмов, что я смо-

трел. Пугающие фильмы Хичкока. Саспенс — это всегда ожидание того, что же случится в следующий момент. Я думаю, что это часть жизни. Никто не знает, что произойдет в следующую минуту. И раньше я действительно это все представлял в нескольких мрачноватом свете. Но в моей сегодняшней музыке этого гораздо меньше. У меня теперь другие способы выражения того же самого.

Какие фильмы определили ваш вкус?

Многое из того, что я смотрел вначале, — это было такое британское... Джеймс Бонд, в частности, музыка Джона Барри привела меня к тому, чтобы по-

нять, что именно композиторы делают в этих фильмах. Потому что кажется, что музыка в этих фильмах была оригинальна и далеко не второстепенна. Также Энио Морриконе, Генри Манчини, Элмер Бернштейн, Бернард Херман. Это та эра, когда один композитор создавал третье измерение мира.

Фильмы Скорсезе повлияли на меня, на понимание того, как жить и учиться жизни. И Хичкок.

Видели ли новый фильм по сценарию Ника Кейва — «Предложение», для которого он написал и музыку?

Пока не видел и не слышал. У Ника, конечно, много знания и понимания того, что происхо-

дит в мире. Я уверен, что он и тут сделал все правильно.

Что вы думаете про голливудскую киномузыку?

Я думаю, что она мертва. Когда я начинал писать, я был полон надежд, что эта модель уйдет, что найдется более интересный способ делать музыку к фильмам. Когда я говорил о всех тех композиторах, которые мне нравятся, — то, как они делали киномузыку, — это было нечто особенное по одной причине: мелодия. Они находили мотивы, и эти мотивы означали историю. А теперь — ничего. Это стоит меньше денег — нанять парня с электроникой вместо серьезной группы, которая бы детально за-

нималась всем этим. Кажется, что им и не нужен фильм с яркой оригинальной музыкой — она может, по их мнению... смутить фильм.

А сами согласились бы писать музыку для какого-нибудь прямолинейного голливудского блокбастера?

Смотря что от меня хотели бы. Если бы от меня требовалось нечто конвенциональное, оркестрованное, я, возможно, сказал бы «нет», потому что у меня нет достаточно опыта в такого рода делах. Но если бы фильм был великолепный, я бы, может быть, попробовал убедить их дать мне свободу делать все так, как мне хочется.

Музыкой к каким фильмам вы гордитесь больше всего?

Наверное, музыкой к фильму Дэвида Линча «Шоссе в никуда». Тогда я получил возможность использовать оркестр и при этом — свободу делать все, что хочу. Я создал язык для оркестра, который был основан на импровизации, авангарде.

Я также делал некоторые работы для телевидения. Прошлой ночью мне не спалось, я включил телевизор, и там было старое шоу, к которому я в свое время делал музыку. Я забыл о нем, а тут — погоня в лесу, и я подумал, что хорошо ухватил эмоцию того, что происходит, и был очень горд за этот момент. Ну, вот такие небольшие вещи — тут и там. И когда эти маленькие вещи удаются, ты говоришь себе: «Yes!»

Чувствуете ли вы связь с музыкой, которую вы играли в прошлом, в группах Magazine и The Bad Seeds?

Это довольно странно, потому что немного похоже на то, как ты ходишь в школу, а потом заканчиваешь ее и делаешь что-то совершенно иное. Я был очень молод, мне было лет 18, и вот эта работа в студии, то, как я открывал для себя, как это все делается, — вот о чем я сейчас в основном вспоминаю.

Однажды вы назвали время, когда вы участвовали в The Bad Seeds, периодом сияющих и ссадин. Что вы имели в виду?

Да. Это было время для меня довольно болезненное. Я попал в довольно жестокую школу, если хотите. До того все было довольно мило, а затем вокруг словно начало собираться много темной энергии. Я был эгоистичным и довольно деструктивным, самодеструктивным. Заглядывая в себя и находя внутри себя все эти вещи... Я выяснял, где же этот мрак, находил его в себе и изучал: «и это тоже я». Я думаю, что сделать это было необходимо — для того, чтобы стать более цельной личностью, самим собой. Может быть, этого не надо было делать так, как я это делал, но я определенно постиг то, что внутренний мрак... его надо приветствовать (смеется)... Смотреть на него: «Aga!» Как Энтони Хопкинс в той роли: «Все, что вам нужно сделать, это пройти по краю бездны и посмотреть на нее». Вам не обязательно прыгать туда.

адамсон барри